

СКИТАНІЯ СИБИРСКАГО ПРИКАЗЧИКА ПО КИТАЮ.

СТАТЬЯ I.

Пекинъ, 4-го октября 1874 г. Сегодня, ровно въ 3 часа, я оставилъ Пекинъ, выѣхавъ въ юго-западные ворота. Въ предмѣстѣи Дзянь-и-мынь-вайтоу остановился переночевать и съ разсвѣтомъ пуститься въ путь, туда, гдѣ еще нога русскихъ не ступала. Назадъ тому недѣля, даже меньше,—5 дней,—какъ я вовсе не думалъ, что придется мнѣ направиться этимъ путемъ: было рѣшено ѣхать моремъ въ Шанъ-хай. А тутъ вдругъ: «поѣзжайте, И. С.; этотъ путь вамъ сподручнѣе изслѣдовать, такъ какъ вы человѣкъ знакомый съ торговымъ дѣломъ и знаете языкъ» и проч.— Оно, въ сущности, самое здоровое распоряженіе; но однако, при мысли быть въ странѣ, гдѣ не только нѣтъ европейцевъ-купцовъ, но и миссіонеровъ, становилось маленько страшно. Но теперь уже рѣшено и ѣхать надо. Вечеръ былъ самый прелестный, теплый и ясный. На западѣ виднѣлись, въ густомъ снѣгѣ мракъ, высокія горы Тай-хуань-шаньскихъ отроговъ, на югъ и юго-востокъ равнина, усѣянная деревьями кипариса, тулипана, ясени, вяза, и роскошно зеленѣющія поля пшеницы (въ прошломъ мѣсяцѣ сѣютъ пшеницу зимовку). Наконецъ порядочно стемнѣло и я легъ спать, распорядившись разбудить меня съ разсвѣтомъ.

Итакъ первый мой переѣздъ изъ Пекина былъ въ 350 ли до г. Бао-динь-фу. Это разстояніе я сдѣлалъ въ 6 сутокъ. По пути много встрѣчалось роскошныхъ кумиренъ; нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по своей древности, другія по роскошной работѣ; болѣе замѣчательныя я описалъ въ своихъ замѣткахъ.

Городъ Бао-динь-фу замѣчателенъ по народонаселенію. Въ немъ считается до 600,000 жителей; обнесенъ крѣпостною стѣною, которая въ окружности имѣетъ до 4—5-ти русскихъ верстъ. Торговля оживлена; много лавокъ, торгующихъ европейскими товарами. Въ немъ имѣетъ временное мѣстопробываніе Чжилійскій генералъ-губернаторъ, такъ какъ городъ этотъ въ провинціи Чжили считается главнымъ городомъ.—Для собранія различныхъ коммерческихъ

свѣденій, я пробыль два дни; на третій выѣхалъ въ дальнѣйшій путь 10-го.

13-го. Черезъ 200 сличкомъ ли я достигъ города Чжено-динь-фу. Громаднѣйшія стѣны города я увидѣлъ за 15 ли и надѣялся встрѣтить этотъ городъ еще болѣе населеннымъ, нежели Бао-динь-фу; оказалось иначе. Выѣхавъ въ восточныя ворота города, болѣе 5 ли я проѣхалъ совершенно пустымъ мѣстомъ. По сторонамъ дороги къ крѣпости—поля жителей засѣянные хлѣбомъ, а кое-гдѣ овощами; въ южной части находится нѣсколько развалинъ когда-то великолѣпныхъ кумиренъ Минской династіи. Изъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей-старожилловъ я узналъ, что этотъ городъ былъ богатъ, но разоренъ нашествіемъ чань-морь (тайпингами) въ царствованіе Сянь-фына въ 6, 7 и 8-ой годъ, и вотъ уже 20 лѣтъ, какъ находится въ разоренномъ состояніи. Здѣсь есть католическіе миссіонеры; не имѣя въ распорядженіи свободнаго времени, мнѣ не удалось посѣтить ихъ. Досюда я шелъ равниной; отроги Тай-хуань-шана все время были по пути моего слѣдованія въ правой рукѣ, путь же мой, отъ самаго Пекина, держался изгибами по компасу S и SW между 15, 25 и 30 градусами. Отсюда, выѣхавъ въ западныя ворота, разомъ направился на SW 38 гр.; сдѣлавъ 100 ли, мы достигли виднѣвшихся горъ; на первой возвышенности находится уѣздный городъ Хуай-ло-сянь. Еще черезъ 80 ли въ горы, кончается Чжилійская провинція и начинается С. провинція Санси. Изъ Пекина я ѣхалъ въ китайской тѣлегѣ; но теперь, при вступленіи въ горы, этотъ способъ ѣзды долженъ былъ перемѣнить на верховыхъ муловъ и за этимъ прожилъ цѣлый день. Все время по выѣздѣ изъ Пекина стояла прелестная, ясная погода, а вчера и сегодня дождикъ. Народъ въ Чжиліи отличается роскошью, безпечень, считается умнымъ и образованнымъ, любитъ пріѣзжаго обмануть, — не только европейца, но и своего, если онъ изъ другой провинціи; если вы нанесете грубости, постарается снести лаской, но потомъ отомститъ.

15-е. Съ утра дождикъ, но къ 12-и прояснило и гостинница, гдѣ я нанялъ муловъ, просила приготовить багажъ. Ровно въ часъ выступили въ путь. Пройдя еще 5 ли возвышенностью, вступили въ ущелье горъ, называемыхъ Си-шань. Путь отъ Хуай-ло-сянь до Тай-юань-фу идетъ горами.

24-е. Тай-юань-фу. Главный областный городъ въ Санси; въ немъ имѣетъ мѣстопребываніе губернаторъ области. Городъ древній, обнесенъ крѣпостною стѣною, которая въ окружности имѣетъ 20 русскихъ верстъ. Разстояніе отъ Хуай-ло-сянь считается около 500 ли. Отсюда начинается цѣль моего путешествія, а поэтому, я прожилъ здѣсь около недѣли. Первый день мною былъ посвященъ осмотру достопримѣчательностей города. Въ южной части города находятся развалины дворца временъ Танской династіи; единственное сохранившееся изъ зданій, гдѣ находится тронъ Императора во время

церемониальных больших выходовъ, и аллея, ведущая къ воротамъ SW дворца *); а за тѣмъ масса кирпичей и гранита. Назадъ тому 10 лѣтъ во дворцѣ былъ устроенъ пороховой заводъ и во время работы отъ неосторожности произошелъ взрывъ, который и срылъ эту замѣчательную древность.

Посѣтивъ нѣсколько замѣчательныхъ кумирней, я отправился къ итальянскимъ миссіонерамъ, въ монастырь св. Франциска. Послѣдній находится около сѣверныхъ воротъ города. Здѣсь меня встрѣтилъ молодой священникъ, отецъ Антоніо Флорентино. И говорить нечего, что онъ обрадовался, когда увидѣлъ меня. Онъ привѣтствовалъ меня по итальянски, а я отвѣчалъ по китайски. Затѣмъ я познакомился съ остальными отцами. Ихъ всего живетъ 4 человѣка. За все время они были любезны, познакомили меня во время моего пребыванія съ окрестностями города. Тай-юань-фу стоитъ на ровномъ мѣстѣ, но со всѣхъ сторонъ окруженъ горами. Въ углу находится монастырь католическихъ миссіонеровъ. Здѣсь я встрѣтилъ много знакомыхъ кяхтинскихъ пріятелей китайцевъ, которые съ удивленіемъ смотрѣли на меня и спрашивали, «которъ на дорога моя пришла и за чема» а еще больше удивлялись, когда я имъ отвѣчалъ, что ѣду («сухой дорогой Хань-коу пошла») сухопутнымъ путемъ въ Хань-коу. Тай-юань-фу въ торговомъ отношеніи имѣетъ громадное значеніе въ области Санси, а также и близъ-лежащіе его уѣздные города Юй-цзы въ 60 ли на SO (ЮВ), Тай-гусянь на югъ и Цисянь на ЮЗ. Первый изъ 2-хъ въ 120 ли, а послѣдній въ 140 ли. Эти 3 города мною посѣщены и описаны; въ нихъ также круглый годъ торговое движеніе. Нужно замѣтить, что въ Санси главный сбытъ русской мануфактуры.

Изъ Тай-юань-фу я выѣхалъ 31 октября, и 11 ноября достигъ города Цза-чжео-фу. Весь путь отъ Тай-юань-фу, все время подъ однимъ направленіемъ Ю.З. 18 и 23 гр.; разстояніе около 800 ли. Путешествіе въ этотъ переѣздъ совершенно мной въ носилкахъ на мулахъ, да инымъ способомъ здѣсь и ѣздить невозможно: высочайшія горы на всемъ протяженіи; колесной дороги нѣтъ; путь идетъ болѣею частью ущельями и встрѣчаются перевалы. Дорога способна единственно для вьючныхъ животныхъ. Здѣсь я прошелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ сансійцы возятъ чай на Кяхту; по дорогѣ попадались идущіе чай торгующихъ сансійцевъ на Кяхтѣ.

Городъ *Цза-чжео-фу* довольно большой и торговый. Здѣсь я прожилъ 5 сутокъ. Такъ какъ здѣсь дѣлается перекладка чаевъ, проходящихъ съ юга на мулахъ, а отсюда идутъ до 2000 ли до Калгана на верблюдахъ, поэтому нужно было забрать свѣденія о про-

*) Аллея изъ деревь вяза, ясеней и кипариса. Они строго стерегутся властями отъ руки человѣческой, какъ древность и имѣютъ исполинскій ростъ.

возныхъ цѣнахъ, вообще объ условіяхъ доставки, поразспросить о направленіи пути и забрать другія коммерческія свѣденія. Городъ стоитъ въ котловинѣ, окруженный горами; на югъ виднѣется высочайшій хребетъ Тай-хуань-шань, который отдѣляетъ сансійскую область отъ хэпаньской, и за нимъ уже долина Хуань-хо.

16-го ноября, выѣхавъ изъ Цза-чжео-фу, чрезъ 5 ли я достигъ первыхъ возвышенностей горъ Тай-хуань-шань. Поднявшись на высоту 6 ли, я увидѣлъ террасы хребта, по которымъ, какъ змѣйка, извивалась дорога и казалась совершенно бѣлою. На всемъ протяженіи перевала, какъ на подъемѣ, такъ и на спускѣ, дорога устлана каменными плитами. Плиты отъ времени сдѣлались полированными, а поэтому съ издали, отъ солнечныхъ лучей, дорога кажется бѣлою. До самой высокой точки отъ подошвы горы считается 80 ли. Съ 6 часовъ утра въ 11 часовъ ночи мы достигли вершины перевала, подымаясь на люлигъ (т. е. лошагъ). Хотя изъ Цза-чжео-фу я взялъ носильщиковъ, но мнѣ показалось неудобнымъ подыматься, или лучше сказать переваливать чрезъ Тай-хуань-шань; неудобство то, что сидѣть въ носилкахъ пытка: всегда нужно быть въ одномъ положеніи и не шевелиться, а иначе можно испытать паденіе въ пропасть, футовъ иной разъ на 1000. На протяженіи подъема и спуска 140 ли до 15 чайныхъ гостинницъ; впрочемъ, въ этихъ гостинницахъ можно достать обѣдъ и номеръ. Жители пріютили въ удобныхъ мѣстахъ хребта свои домики. Здѣсь же проходитъ великая стѣна, которую мы перѣхали разъ до Пекина въ 150 или 160 ли, въ ущельи Гуань-поу. И такъ, поднявшись на вершину хребта, проѣхавъ ворота великой стѣны и выѣхавъ въ небольшое селеніе называемое Шань-динеръ-дянь (по русски гостинница),—вотъ что я увидѣлъ: въ нѣсколькихъ саженьяхъ впереди меня обрывъ хребта и синій густой мракъ, оканчивающійся горизонтомъ; на ЮЗ. виднѣются туманно-бѣлыя змѣйки; земли не видать; по сторонамъ, съ западной на восточную, величественные голые пики Тай-хуань-шаня, въ которыхъ, по рассказамъ единственные обитатели барсы, шакалы, волки, лисицы..... Подошва горной цѣпи утопала въ мракѣ синевы. Отъ носильщиковъ я узналъ, что бѣлыя змѣйки,—это рѣки Цинь-хо и Тань-хо. Переночевавъ здѣсь, на утро мы спустились въ долину Хуань-хо. Спускъ 60 ли, но крутой, и дорога идетъ какъ съ берега въ рѣку; понятнѣе сказать, что я сошелъ съ утеса на ровную площадь. Отъ самаго спуска начинаются густыя рощи бамбука, пвь, ясени, вяза отдѣльными группами, кипарисныя рощи, и изъ за этихъ садовъ выглядываютъ домики жителей съ полями озимовой пшеницы и необраннымъ еще хлопчатникомъ. Вообще представилась прелестная картина природы послѣ голыхъ, съ плохой растительностью, Сансійскихъ горъ (но за то богатыхъ металлами). Пройдя 20 ли, я достигъ мѣстечка Цинь-ауа. Здѣсь остановился переночевать и нанять тѣлегу до Ши-

тѣ-чженя. Отъ Шань-динеръ начинается провинція Хононь; здѣсь опять есть колесная ѣзда.

18-е. Нанявъ тѣлегу, на протяженіи 800 слишкомъ ли, до мѣстечка Ши-тѣ-чжень, мы направились дорогой, по которой идутъ чаи сансійцевъ, гужевымъ способомъ и возочнымъ, на мулахъ; верблюжий же путь на нѣкоторое время остался лѣвѣе. 19-го чрезъ 95 ли отъ Цинь-хуа-чжень, достигли мѣстечка Чжань-ди. Отсель всего остается 20 ли до величественной рѣки Китая, Хуань-хо (Желтая рѣка); но добратъся до нея было поздно. При послѣднихъ лучахъ закатывавшагося солнца, чуть-чуть были видны на западѣ мачты лодокъ на Хуань-хо. 20-го утромъ раненко, вставши еще до солнца, отправился я къ перевозу. Сдѣлавъ 20 ли по совершенно песчаной долинѣ, гдѣ нѣтъ никакой растительности, достигъ перевоза называемаго Синь-ца-коу. При восходящемъ солнцѣ, видъ на рѣку по истинѣ былъ восхитителенъ; на западѣ, за рѣбой, песчаные холмы и глинистыя горы Мань-шань. Большая ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ до 4 русскихъ верстъ. Вода рѣки глинистая,—песчаная. На ЮЮВ. виднѣется множество парусовъ лодокъ, идущихъ по направлению изгибовъ рѣки; а такъ какъ берега совершенно низки и ровная при этомъ долина, то въ отдаленности идущія лодки кажутся какъ бы въ морѣ.

Пока перевозчики готовили карбазъ или лодку и поджидали еще пріѣзжающихъ, такъ какъ я пріѣхалъ одинъ, опасаясь конечно не опоздать (нужно замѣтить, что чрезъ Хуань-хо перевозятъ въ день 3 раза: 8 ч. утра, 12 пол. и 3 ч. по полудни), я и мой Сянь-шенъ (взятый изъ Пекина китаецъ) пошли къ балаганчику, что-нибудь закусить. Продаваемые лакомыя блюда состоятъ изъ гороховаго киселя, вермишели, просовой прѣсной каши и прѣсныхъ блиновъ. Пока мой Сянь-шенъ уничтожилъ чашку каши и блюдечко киселя, а я изъ своихъ мясныхъ консервовъ, подѣхали еще двѣ тѣлеги сансійскихъ кушцовъ. И такъ мы стали переправляться.

Лодки съ мачтой при вѣтрѣ переправляются парусомъ. А такъ какъ попутнаго вѣтра не было, поэтому я думалъ, что пойдутъ на веслахъ, но получилъ на подобный вопросъ отвѣтъ, что Хуань-хо не такая рѣка,—буда бы вздумалъ, туда и поплылъ; русло ея въ ямахъ; глубина отъ 1 арш., даже $\frac{1}{2}$ арш. до 5 саженей. Фарватеръ имѣетъ постоянную глубину не менѣе 1 сажени. Переправа на лодкѣ устроена слѣдующимъ образомъ. Отъ верха мачты протянуть къ носу канатъ; въ срединѣ его блокъ, чрезъ который протянуть также канатъ, котораго одинъ конецъ привязанъ къ лапѣ кошки, а другой въ блокъ и идетъ на палубу. Кошка прикрѣпляется канатомъ къ кормовой части. Когда кошку бросаютъ въ рѣку, кормовой держитъ руль въ рукѣ, а въ носовой части вытягиваютъ и лодка такимъ образомъ приближается къ берегу. Но при всемъ этомъ уносить довольно далеко. При ширинѣ, гдѣ мы переправлялись, насъ унесло на 5

русскихъ верстѣ, при теченіи въ секунду $4\frac{1}{2}$ футовъ. Тѣлеги помѣщаются въ носовой части лодки; и лошади и мулы въ устроенномъ навѣсикѣ, что посреди лодки; борта забраны. Спасибо китайцамъ! намъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, нужно учиться у нихъ, а цивилизованный міръ кричить, чтобъ ихъ образовывать. Правый берегъ рѣки песчаный, такъ что пришлось идти пѣшеходомъ, а день выдался жаркій. Но къ нашему благополучію, песчаные холмы скоро кончились; они были всего только на протяженіи 4-хъ ли. На 10 ли мы остановились въ гостинницѣ, въ небольшомъ мѣстечкѣ Гань-линъ, пообѣдать.

Въ долині, пройденной мною, часто встрѣчались ручные тачки на парусахъ; онѣ обыкновенно устроены на одномъ колесѣ. Смотря по тяжести тачки, везетъ ее одинъ человѣкъ или два. Въ срединѣ мачта и парусъ. Тачешникъ везетъ отъ 8 до 10 пудовъ тяжести; за разстояніе въ 500 русск. верстѣ онъ получаетъ, считая на наши деньги, кредитныхъ рублей 8 и 10; круглый годъ въ работѣ, только развѣ къ новому году возвращается подъ родной кровью. Китайцы вообще чрезвычайно трудолюбивы, не то что нашъ крестьянинъ на готовой землѣ кое-какъ распахивающій поля; а въ Китаѣ, на высотѣ 5000 фуговъ, на голомъ гранитѣ, пахутъ и воздѣлываютъ поля: нужно замѣтить, что земля носится снизу.

25-е. Сегодня достигъ Юй-чжоу, сдѣлавъ отъ Цинъ-хуа-чжень 740 ли. Здѣшній округъ славится производствомъ шелку и шелковыхъ матерій, въ 270 ли. Отсюда на западъ есть горы Лу-шань, гдѣ центръ производства чесучей. Стоимость чесучи зависитъ отъ доброты, а доброта отъ вѣсу. 1 сортъ вѣситъ 45 и 50 ланъ, 2-й 35 ланъ и 38, 3-й сортъ отъ 25 до 32 ланъ; въ русскомъ фунтѣ считается 11 ланъ приблизительно.

Цѣны: лучшей доброты 1 ланъ матеріи стоитъ 1 ч. 2 фына и 1 чанъ 4 фына; 2-й сортъ отъ 8 фыновъ до 1 чана. Ланъ есть десятичный вѣсъ: въ 1 ланѣ 10 чановъ, въ 1 чанѣ 10 фынь, въ 1 фынь 10 ли. и т. д. Ланъ китайскій здѣшній стоитъ на серебряную монету 2 руб., слѣдовательно кусокъ лучшей чесучи въ 50 л. вѣсу т. е. $4\frac{1}{2}$ ф. съ золот. или $4\frac{5}{8}$ стоитъ 11 руб. сер., въ восточную Сибирь чесучу такой доброты не привозятъ, и средній сортъ продаютъ 35 и 38 руб. Лучшая чесуча продается бѣлою, а плоше идетъ въ окраску. Здѣсь сансійцы приобрѣтаютъ десятки тысячъ кусковъ, которые идутъ, какъ любимая матерія, къ сѣвернымъ жителямъ Китая, въ Монголію и часть въ Россію. По истинѣ чесуча хорошая матерія: она нарядна сама по себѣ, носка, доступна по цѣнѣ (т. е. здѣсь) и отъ мытья улучшается. Завтра—26 ноября, и я оканчиваю изслѣдованіе сухопутнаго пути, который представляетъ выгоды въ будущемъ для нашего русскаго коммерческаго класса не только въ отношеніи чайной торговли, но и въ другихъ родахъ промышленности.

26-е ноября. Ши-тѣ-чжень. Наконецъ послѣдній пунктъ сухопутнаго пути. Здѣсь я прожилъ до 1-го декабря, приводя въ порядокъ свои записки и за собраніемъ коммерческихъ свѣдѣній. Торговый классъ здѣсь по большей части сансійцы; они здѣсь являются не только по чайному дѣлу, но и закупаютъ выдѣлываемыя дабы разныхъ сортовъ въ провинціяхъ Хубей и Ханаль, шелковыя матеріи. Однимъ словомъ, это пунктъ приобрѣтенія мѣстныхъ произведеній области Хэ-нань и пересортировка получаемыхъ товаровъ съ юга *). Въ Шидзя-дерѣ или Ши-тѣ-чженѣ считается 10 тысячъ лавокъ, слѣдовательно можно по одному этому судить, какое здѣсь торговое движеніе.

Изъ Ши-тѣ-чженя я отправился водою по рѣкѣ Тань-хо. Позднимъ временемъ плаваніе мое, по малой водѣ, продолжалось 10-дней—разстояніе 306 ли., по теченію рѣки,—тогда какъ въ полноводіе можно это разстояніе проплыть въ 4 сутокъ. 9-го достигъ устья рѣки; здѣсь она впадаетъ въ рѣку Хань-янъ, протокъ Янь-цзы-цзяна, т. е. Голубой рѣки. Нужно было подняться еще 15 ли. по Хань-яну, достигъ города Сань-янъ-фу. И такъ, съ мыслию соединиться на завтра съ членами экспедиціи, мы остановились ночевать. Идти до города было поздно и опасно. Хань-янъ имѣетъ сильное теченіе, по ширинѣ и глубинѣ мѣстами равняется нашей матушкѣ Ангартѣ,—теченіе, правда, нѣсколько тише.

10 декабря. Г. Сань-янъ-фу. Достигши этого города, я остановился на лѣвомъ берегу, около слободы Фань-ченъ; на правомъ берегу находится городъ. Отъ мѣстныхъ жителей я узналъ, что про европейцевъ они ничего не знаютъ и не слышали. Вручивъ моему почтенному старнику китайцу свой охранный листъ, отправилъ его къ Саню. власти города, узнать что нибудь о моихъ спутникахъ (нужно замѣтить, что по инструкціи начальника я просочилъ на 5 дней). Черезъ нѣсколько времени явился Сюй, съ карточкой Саня и сказалъ, что нужно мнѣ самому явиться къ Саню,—на мое имя есть письмо. Было уже поздно идти въ Ямынь получить письма. Съ перваго раза мнѣ ихъ не выдали, по той причинѣ, что въ охраннымъ листѣ сказано неправильно моя фамилія. Но я кое-какъ убѣдилъ управляющаго канцеляріей, что письмо адресовано мнѣ, и тотъ мнѣ его выдалъ. Письмо оказалось отъ начальника (экспедиціи). Я долженъ былъ оставаться и гостить здѣсь, такъ какъ начальникъ общался выѣхать 8-го и быть къ 23-му с. м. И вотъ я побрелъ искать квартиру по городу. За мной слѣдовало самое меньшее до 1,500 человѣкъ, прिवѣтствуя «Янь-чуй-уза заморскій чертъ, съ стеклянными глазами,

*) Чаи изъ Ху-бэй, Ху-нань, Фу-чана, Шань-си, Сучуана. Изъ послѣднихъ двухъ провинцій идутъ лакъ, травное масло, шелковыя издѣлія, лекарственныя травы и много другихъ товаровъ.

ноги, какъ палки, самъ красный, хуже всего что есть на свѣтѣ». И еще хучшее говорили; даже нѣкоторые смѣлые бросали въ меня камня, глину, тербили сзади за волосы. По обыкновенію и участи всѣхъ путешествующихъ, приходилось терпѣть, молчать и не обращать вниманія. Перевозъ избавилъ меня отъ это саранчи, но за то, пока я былъ на половинѣ рѣки, такъ уже въ слободкѣ высыпало на берегъ не меньше народа и пришлось испытать тоже. Въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ я уже испыталъ многое и меня не удивили эти встрѣчи. Всякими неправдами добрался я до одной изъ гостинницъ, гдѣ квартируютъ сансійцы. Мой Суй, со всей китайской вѣжливостью, разговорился съ нѣкоторыми изъ сансійцевъ и одинъ нашелся ему знакомый, который и устроилъ, чтобы намъ остановиться здѣсь же. Хотя хозяинъ гостинницы долго не соглашался, увѣряя, что у насъ нѣтъ финансовъ (за дорогу я обѣднѣлъ и кое какъ только могъ добраться до сюда), но наконецъ согласился. Спусти нѣсколько дней, я вздумалъ пройтись къ военнымъ лагерямъ—и что же? И говоритъ нечего, что былъ обруганъ всевозможными словами и примѣненъ ко всѣмъ годамъ вселенной и въ концѣ концовъ покрытъ съ ногъ до головы пылью, грязью, человѣческимъ каломъ. Спасибо, что не побили камнями. Послѣ того 40 сутокъ не показывалъ носу изъ своей конуры. Что же? проходитъ 23-е число,—праздникъ Рождества, новый годъ и наконецъ, 8 января, я получилъ только одну чашку лапши, (по обыкновенію получалъ двѣ), а за тѣмъ мнѣ объявили, что если я не буду платить денегъ, то чтобы не рассчитывалъ болѣе на пищу: безъ денегъ гостинница кормить меня не намѣрена. Кое-какъ Суй уговорилъ хозяина гостинницы кормить насъ, увѣрилъ его, что скоро пріѣдетъ начальникъ и мы съ благодарностью рассчитаемся. Опять кое-какъ кормили, давая по двѣ небольшихъ чашки лапши, или же жидкой просы въ день и больше ничего, 16-го января, окончательно объявили, что кормить больше не будутъ; дѣлать нечего, 17-го я браться къ власти и покорнѣйше просилъ ее принять во мнѣ участіе. Послѣ долгихъ переговоровъ сжалился правитель города, приказалъ мнѣ дать лодку и 3.000 чоухъ на дорогу на разстояніе 1,200 ли. (3.000 чоухъ—6 руб. кредит.) и приказалъ немедленно выѣхать изъ Фанъ-чена въ Ханъ-коу. Не буду описывать мои сборы и какъ я рассчитался съ гостинницей: въ послѣднемъ случаѣ помогъ одинъ китайскій военный чиновникъ.

Мое положеніе было самое невыгодное; но хуже моего было положеніе старика-лодочника, за 60 лѣтъ, съ 15 лѣтнимъ сыномъ. Въ Китаѣ на подводѣ по казенной надобности берутъ встрѣчнаго и вотъ попался этотъ несчастный. Онъ со слезами упрашивалъ полицейскихъ избавить его отъ подводъ, говоря, что у лодки нѣтъ весель, и онъ имѣетъ только на два дня рису; но полицейскіе откуда-то притащили весла и во чтобы ни стало приказали везти. И такъ я отдался волѣ божьей; далъ старику 1.000 чоухъ купить рису и сказалъ:

«пойдемъ въ Хань-коу; ты получишь вознагражденіе», и мы отплыли внизъ по Хань-яну до Хань-коу. Первые два дня—19 и 20 простояли ясные; но съ 21 началось непогодые, снѣгъ, вѣтеръ и холодъ, а такъ какъ лодкой управляли плохо, то и шли при такой погодѣ очень медленно, такъ что мы плыли 12 сутокъ до Хань-коу.

Февраля 1-го, въ 5-ть часовъ утра я достигъ Хань-коу. Въ заношенномъ грязномъ платьѣ я былъ посмѣшищемъ китайцевъ, которые на меня смотрѣли съ удивленіемъ. Самые плохіе матросы были одѣты гораздо чище. И такимъ-то чучеломъ я явился въ домъ нашихъ купцовъ Т. Ш. и К°, гдѣ конечно отогрѣлся, закусилъ,—однимъ словомъ, былъ принятъ, какъ нельзя лучше. Спрашиваю,—гдѣ члены экспедиціи?—говорять, что уже болѣе недѣли какъ уѣхали.—Куда? въ Сань-сянь-фу. Всего удивительнѣе вышло то, что я долженъ былъ встрѣтиться (съ экспедиціей) по дорогѣ, ибо она тоже отправилась по Хань-коу. Но что дѣлать?—случай, не встрѣтились—и только. Да правда, что и встрѣтиться было какъ? я былъ и пассажиръ и въ одно и въ тоже время отвѣчалъ за матроса, при усиленной работѣ подъ дырявымъ парусомъ, на веслахъ, легко могъ и не замѣтить проплывшихъ мимо лодокъ. Послѣ короткихъ разсказовъ, по обязанности, пошелъ я къ нашему консулу Н. А. И. Онъ рѣшилъ, что нужно мнѣ, немедля, слѣшить присоединиться къ экспедиціи. И говорить нечего, что Н. А. человекъ разумный (но любить по китайски маку—манъ, однако я еще подтвердилъ, что не мѣшало бы мнѣ выѣхать поскорѣе). Но тутъ явился секретарь и ни съ того, ни съ сего напалъ на меня, какъ я могъ развѣхаться съ экспедиціей? Выходило, что я чуть-ли ни умышленно сдѣлалъ это. На всю его ерунду я сказалъ ему: вамъ, вѣроятно, не доводилось испытывать ничего подобнаго; по этому вы такъ и судите, по русской пословицѣ: до кого не дойдетъ того не ожжетъ.

Чемоданъ мой былъ въ общемъ багажѣ; платье, которое я надѣлъ въ Пекинѣ, по дорогѣ износилось и въ немъ-то приходилось мнѣ щеголять. Отъ консула я прошелъ къ нашему иркутянину А. Л. Р., который не забылъ нашего стараго знакомства, принялъ меня радушно. Онъ тотчасъ притащилъ мнѣ лучшую пару платья, штиблеты, верхнее пальто, однимъ словомъ, преобразовалъ меня изъ запыленнаго, грязнаго,—въ человекъ даже наряднаго. Въ теченіе 3-хъ дней пребыванія моего въ Хань-коу я нашель у него въ семействѣ самый радушный пріемъ. Собравъ меня въ дорогу, онъ надѣлилъ платьемъ, деньгами, дорожнымигами, а добрая старушка С-къ проводила благословеніемъ.—На всегда сохраняю я память о добромъ А. Л. даже просилъ бы передать всемъ нашимъ иркутянамъ о его добромъ расположеніи и помощи въ такія минуты, когда не деньги дороги, а радушіе и помощь. Консулъ обязанъ по закону оказывать помощь соотечественникамъ, но г. И. оказалъ мнѣ самое ничтожное сочув-

ствіе, хотя мое предпріятіе и дѣло касалось интересовъ русской торговли.

Пока были готовы подводы и охранный листъ отъ Ханькоускаго Дао-тая, вытребованный консуломъ,—я прожилъ до 4 февраля. Добрый же А. Л. меня познакомилъ съ европейскимъ городомъ, его общественными учрежденіями. Пожелавъ мнѣ благополучнаго возвращенія въ Россію, онъ радовался отъ души за успѣшно собранные матеріалы, которые будутъ проводникомъ русскимъ купцамъ и указателемъ въ будущемъ въ посѣщенныхъ мною областяхъ. Онъ проводилъ меня въ день отъѣзда за В. городскіе ворота. Здѣсь мы распрощались.

Февраля 16-го, я присоединился въ Сань-янъ-фу къ экспедиціи и вотъ уже около 2-хъ мѣсяцевъ мы путешествуемъ по Хань-яну; всего мы сдѣлали по этой рѣкѣ 3,500 ли отъ Хань-коу.

СТАТЬЯ II.

Цзоо-ма-чу-дунъ 1 марта 1875 года, снялся мы съ ночевки, мѣстечка Хуань-дзя-пхинь (Хуань-дзя желтая, пхинь площадь), что на самомъ дѣлѣ соответствовало названію: мѣсто,—голый песчаный берегъ; въ 200 саженьяхъ скалы, а на площади двѣ харчевни, продающія готовую вареную пищу изъ риса, овощей, проса. А кто захотѣлъ бы полакомиться, для того есть свининка; а также и водочка, называемая Ша-удро. Это на правомъ берегу; лѣвый же берегъ—обрывистая, высокая скалы. Вчера я долго любовался этой прелестной картиной при ночномъ мракѣ, но сегодня она кажется мнѣ еще прелестнѣе: утро пасмурное, на вершинахъ горъ туманъ, въ одной верстѣ, подъ лѣвымъ берегомъ, видѣются въ разныхъ направленіяхъ подводные камни, лежащіе на не большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Спросивъ китайца, я узналъ, что это большой порогъ, называемый Гушань-ца.

За порогомъ, подъ лѣвымъ берегомъ, идетъ выдававшаяся въ рѣку отъ 10 до 15 сажень гряда камней, на протяженіи 8 китайскихъ ли. На 30 ли мы достигли деревушки на правомъ берегу, называемой Ту-хэ-горь, при устьи рѣки Ту-хэ. (Мнѣ китайцы давно уже, верстѣ за 100, прожужжали уши, что вода Ту-хэ имѣетъ удивительное свойство очищать пятна съ шелковаго платья; чтобы испытать на самомъ дѣлѣ, я послалъ китайца взять 2 бутылки этой воды; сами же мы, пройдя устье, остановились у мыса Джю-ли-шань. Однако казакъ,—урядникъ Павловъ, сказалъ: «ваше благородіе, китаецъ можетъ вихря пустить».—Какъ?—«Да онъ не принесетъ той воды изъ рѣчки Ту-хэ, онъ поближе возьметъ изъ Хань-яна; я самъ пойду».—Ну, ступай!

Съ утра я сидѣлъ въ каютѣ начальника, за дневнымъ путевымъ журналомъ. (А такъ какъ нужно было дожидаться, пока принесутъ удивительную воду) я пошелъ въ каюту А. Э. Ионъ сегодня какой-то грустный, надо полагать по погодѣ. «Ну что, А. Э., сегодня фотографія отдыхаетъ?—Да, собственно говоря, снимать то нечего.—Какъ? да вѣдь мы у устья Ту-хэ, мѣсто замѣчательное, мыла не надо, не только грязь, и пятна всё вычистить».—Въ самомъ дѣлѣ; пока стоимъ, давайте, снимемъте нашу колымагу (колымагой мы зовемъ нашу лодку, на которой плывемъ). Я взялся за ножки и камеръ-обскуру, а А. Э. приготовить стекло. Мы окончили работу, а урядникъ принесъ воду. Черепашьимъ шагомъ мы двигаемся вперед! Впрочемъ въ Китаѣ маъ-манъ (тихонько, неторопясь) вещь обыкновенная; живость, поворотливость въ Китаѣ не уважается, или лучше сказать не принята. Сдѣлавъ 40 ли, мы достигли Цзоо-ма-чу-дунъ, что по русски значитъ «Щеки Иноходца». Здѣсь рѣка суживается и по обоимъ берегамъ высокіе утесы. Вотъ уже недѣля, какъ началась по китайскому календарю весна; нѣкоторые деревья распустились, поля зеленѣютъ еще съ первыхъ чиселъ Февраля. Но подъ вечеръ пошелъ мелкій дождикъ и мы изъ своей комнаты не выглядывали. А вотъ, скоро городъ. Небо прояснилось и, любуясь закатомъ молодого мѣсяца, я долго просидѣлъ, наслаждаясь свѣжимъ весеннимъ воздухомъ, прислушиваясь къ шуму быстрога теченія роскошнаго Хань-яна (это притокъ Голубой рѣки или иначе Янъ-цзы-цзяна). Однако, какъ ни прелестна здѣшняя мѣстность, а всетаки хочется скорѣе вернуться въ Россію. (Сколько ни сиди, а спать надо, да и завтра астрономическая работа! Прощайте, Щеки Иноходца; я буду спать, когда оставитъ васъ наша «колымага»).

Шань-си, на пути въ г. Хань-чжунъ-фу. Рѣка, Хань-янъ, порогъ Цзинь-лео-танъ. 5 апрѣля 1875 года. Все время наше путешествіе шло благополучно. Но 30 марта, на одномъ изъ пороговъ, называемомъ Лунъ-танъ, мы потерпѣли крушеніе. Это въ разстояніи отъ г. Синъ-анъ-фу вверхъ по теченію Хань-яна, въ 700 ли. Въ рѣкѣ на разстояніи 45 русскихъ верстъ находится 24 порога, изъ которыхъ мы прошли благополучно два; на третьемъ порогѣ валы до того высоки, что стали захлестывать борты. Моментально лодка наша легла на бокъ, а мы только что успѣли вскочить на лѣвый бортъ,—я, два казака и А. Э. Б.; Ю. А. былъ на берегу. Самая печальная картина! это было утромъ; мы только что отстояли молитву въ каютѣ капитана (т. е. Ю. А.) и напились чаю. Когда насъ отнесло нѣсколько сажень, А. Э., я и П. выскочили на берегъ, такъ какъ погибавшую лодку кормой поднесло къ берегу. С. же остался на погибавшей лодкѣ; не теряя присутствія духа, онъ старался бросить канатъ къ берегу, но не удалось. Едва мы очутовались отъ паническаго страха,—какъ нашу лодку, поднесенную ко второму порогу, стало ломать. Скрипъ и какой-то печальный шумъ доносился отъ ломавшейся

лодки. Здѣсь погибло все, что у насъ было, и мы остались въ чемъ были. С. видѣлъ, что на порогѣ ему придется плохо и лодку повертываетъ уже верхъ дномъ; но онъ все таки оставался на лодкѣ и только на зовъ начальника «спасайся», бросился вплавь къ берегу. Ниже порога въ нѣсколькихъ саженьхъ, лодку, т. е. обломки ея, прибило къ берегу. Я бѣжалъ по берегу внизъ по теченію, поймать хоть какую-нибудь рыбацкую лодку; сдѣлавъ 5 веретъ, я нашелъ небольшую лодку, съ которой и пошелъ къ мѣсту крушенія. Сбили народъ и стали искать погибшее въ рѣкѣ. Главное для насъ было найти ящики серебра, боевые патроны и оружіе. Въ первый день нашли кое-что изъ тѣхъ вещей, которыя держались на поверхности воды, на второй ящикъ серебра, на третій еще ящикъ серебра, оружіе холодное и огнестрѣльное и всѣ патроны. И говорить нечего, что много осталась въ водѣ. У А. Э. погибло много, у меня платье и бѣлье, осталось нѣсколько сорочекъ. У казаковъ погибло все. 30, 31, 1, 2, 3, 4 простояли, исправляя и просушивая погибавшіе остатки необходимаго и сегодня только управившись, послѣ молитвы пустились въ путь. Намъ остается еще сдѣлать до г. Хань-чжунь-фу около 150 верстъ или 302 ли (ли считается 267 сажень), но теперь опасность миновала, нѣтъ уже опасныхъ пороговъ и лодка легче. Погибшая была около 30 ф. длины и 6 1/2 ширины, а теперешняя 20 ф. длины и большая ширина 5 футовъ; лодка приспособлена къ этимъ мѣстамъ. Изъ Хань-чжунь-фу пойдѣмъ влоть до нашей границы сухимъ путемъ, разстояніемъ около 4,000 верстъ.

Г. Хань-чжунь-фу. Область Шань-си. 13 апрѣля 1875 года. Сегодня въ день Воскресенія, послѣ утомительнаго трехъ мѣсячнаго плаванія по р. Хань-яну, которую мы изслѣдовали на протяженіи около 3,000 верстъ, мы достигли г. Хань-чжунь-фу. Отсюда намъ предстоитъ еще труднаго пути до границы Россіи 4,000 верстъ, но уже все сухопутьемъ.

Тяжело и грустно быть отъ родныхъ далеко, но такова участь всѣхъ путешественниковъ. Правда, что Китай на каждомъ шагу представляетъ много интереснаго; по всюду богатства природы. Мы думали въ началѣ скучать, напримѣръ, когда будемъ безъ табаку; но здѣсь нашли табакъ, который равняется лучшему сорту бессарабскаго и стоимость его 1 чинъ или 1 1/2 ф. русскихъ стоитъ 50 чохъ, нашихъ 10 к., значитъ русскій фунтъ 6 7/10 к. сер.; у насъ въ Сибири таковой табакъ по 2 р. фунтъ.

Отъ порога Лунь-танъ, гдѣ произошло крушеніе нашей лодки, мы сдѣлали 30 русскихъ верстъ; горы постепенно стали ниже и характеръ мѣстности измѣнился; раньше шли высокіе, обрывистые пикообразные утесы, теперь же открылись низкіе, глинистые и сплошь усѣянные полями посѣвовъ, уклоняясь одни на югъ, а другіе на сѣверо-востокъ. Открывается долина; на западѣ едва замѣтно обрисовываются силуэты высокихъ горъ. Оставалось намъ до Хань-чжунь-

фу верстѣ 100 слишкомъ; это разстояніе мы прошли въ низкихъ берегахъ рѣки; по долину всюду видѣются богато распаханныя поля, засѣяныя рисомъ, пшеницей, шафраномъ, коноплей, бобами, горохомъ и не малымъ количествомъ мака (изъ котораго готовятъ опиумъ); деревья — шелковичное или тутовое, ясень, пальма, дубъ, туя, кипарисъ, грецкіе орѣхи, персиковое, абрикосы, груши, яблони разныхъ родовъ. Забылъ сказать о разведеніи хлопчатника, но его разводятъ мало; хлопокъ идетъ съ низовыхъ, т. е. изъ провинцій Хю-нань и Ху-бэй. Горы богаты каменно-угольными копями, желѣзными и мѣдными, но китайцы послѣдними мало пользуются. Угольные копи разрабатываютъ, стоимость добытаго угля пикль 100 чинъ нашихъ 147 фун. на мѣстѣ 16 к. с., это обходится меньше 5 к. пудъ.

Шелкъ сырецъ 2 руб. на сер. монету 1 русскій фунтъ. Шафранъ — краска, лучшій сортъ 1 фунтъ, на серебряную монету 67 коп. Мука крупчатка лучшій сортъ за пудъ 2 руб. Мясо: баранина 10 коп. фунтъ, свинина 12 коп., скотское 8 и 10 коп. фунтъ; курица 15 и 25 коп., утки немного дороже, овощи чрезвычайно дешевы, плоды также; долина богата апельсинами. Здѣсь выдѣлываютъ фанзы, вренъ, травчатая канфу. Цѣны очень доступны: за 20 руб. можно купить хорошую травчатую канфу. Фанзы отъ 8 до 10 руб. гранитуръ отъ 12 до 18 руб. Много шелку и шелковыхъ матерій приходитъ изъ провинцій Сы-чуань, граница которой отсюда верстѣ около 200. Въ будущемъ для Россіи здѣшнія окраины представляютъ много выгодъ. Иностранныя издѣлія хотя и доходятъ сюда, но продажныя цѣны на рынкѣ довольно высоки, да и самый товаръ переносится чрезъ нѣсколько ругъ китайскихъ купцовъ.

Внизъ по Хань-дзяну въ 300 верстахъ отъ Хань-чжунь-фу мы прошли уѣздъ Цзы-янь-сянь, который богатъ чайными плантаціями. Приготавливаютъ по преимуществу зеленый байховый чай, и очень хорошаго достоинства. Онъ несравненно дешевле, даже въ половину, цѣны хубэйской и хунаньской. Мы беремъ, или лучше сказать, взяли образцы въ Россію и если эксперты найдутъ и признаютъ его хорошимъ, то надо ожидать въ этомъ случаѣ богатаго чайнаго дѣла. Есть слухи, на которыхъ пока основываться нельзя, что чай прежде приговлялся черненькимъ и шелъ въ Чугучакъ. Если встрѣчусь въ области Гансу съ китайцами бывавшими въ Чугучакѣ, то постараюсь выяснитъ этотъ вопросъ. Теперь скажу нѣсколько словъ относительно ревеня. Этотъ товаръ баснословно дешевле и ближе къ нашей границѣ; онъ въ окраинахъ Цзя-юй-чуань. 100 чинъ пикль или 147 фунтовъ русскихъ стоятъ на серебряные рубли 7 и 8 руб. тогда какъ въ Тянь-цзинѣ отъ 120 до 140 руб. пикль, т. е. 100 чинъ. Образцы я встрѣтилъ здѣсь копытчатаго и черековаго, и на сколько знакомъ съ ревенемъ, то нахожу его лучшимъ, какой встрѣчалъ на рынкѣ въ Тянь-цзинѣ. Вообще можно сказать про окраины за-

паднаго Китая, что онѣ изобилуютъ богатствами природы; съумѣемъ ли только мы, близкіе сосѣди, ими воспользоваться? Предстоящій дальнѣйшій путь еще съ многими насъ познакомитъ, что бы можно было вывозить въ Россію.

Досюда мы шли преимущественно Китайскимъ населеніемъ; теперь же больше будемъ встрѣчать мусульманъ, т. е. Китайскихъ татаръ, дунь-ганей.

Хотя это письмо я началъ въ день пріѣзда, но продолжаю вотъ уже 10-й день и такъ сегодня 23-е число. Сегодня я былъ въ гостяхъ у татарскаго ахуна, познакомился съ нимъ необходимостью. Разспрашивалъ о дуньганскомъ возстаніи, которое уже идетъ болѣе 10 лѣтъ. Китайскаго татарина вы не отличите отъ китайца ни по типу, ни по одеждѣ; они одѣваются какъ китайцы, ростятъ косу и живутъ въ такихъ же фанзахъ (домахъ). Одно, что ихъ отличаетъ—это религія: они не ѣдятъ свинины, не пьютъ водки, не курятъ табаку; во всемъ остальномъ чистые китайцы. Языкъ, письмо—все китайское; родной языкъ и письмо знаютъ только муллы и ахуны. Здѣшній ахунъ принялъ меня радушно, познакомилъ со многими и рассказалъ даже о пути въ Хами, Турь-Фань, Урумчи, Барь-гуль, вплоть до Куль-джи.

Городъ Хань-чжунь-фу обширенъ, обнесенъ крѣпостною стѣною; онъ сильно разоренъ нашествіемъ Тейпинговъ, или иначе Чанъ-мао въ царствованіе Сянь-фы-на *) въ 9, 10 и 11 годъ. Тайпинги вели войну съ Китаемъ, были на сѣверѣ и въ царствованіе недавно умершаго императора, Тунъ-чжи, въ 1-й годъ его царствованія были здѣсь, уничтожали все что имъ попадалось по дорогѣ: жителей убивали, имущества грабили, жилища жгли,—эта участь постигла и здѣшній городъ. Вотъ что передали намъ здѣшніе жители: изъ цѣлаго округа уцѣлѣла $\frac{1}{10}$ часть жителей, спасаясь бѣгствомъ въ сѣверныя горы. Тайпинги, пришедши въ концѣ 1-го года, ушли въ началѣ 3-го года Тунъ-чжи. По уходѣ ихъ населеніе вернулось къ родному крову и нашло одни пепелища. Въ городѣ много было древнихъ кумирень, былъ даже дворецъ и кумирня, Ханьской династіи; изъ этихъ двухъ древностей уцѣлѣлъ отъ кумирни мѣдный колоколь, а отъ дворца одно зданіе и нефритовая гробатъ. Вся крѣпость представляла груды камней. Это совершенно справедливо: доказательствомъ служатъ развалины послѣ пожара нѣсколькихъ кумирень и пустота крѣпости отъ В. до З. воротъ въ длину, и къ С. воротамъ въ ширину. Построенные на 4 улицахъ отъ южныхъ воротъ—дома совершенно новые, непрожившіе и 10-лѣтніа; нѣтъ роскошныхъ домовъ, но много чистенькихъ. Главное народонаселеніе изъ Сы-чуань. Въ уѣздѣ Хань-чжунь-фу считается

*) Сянь-фынъ царствовалъ 11 лѣтъ.

80,000 жителей; изъ этого $\frac{8}{10}$ сы-чуаньцовъ, $\frac{2}{10}$ сансйцевъ, цянь-си и хубэйцовъ. Послѣ того, какъ Хань-чжунъ-фускій округъ освободился *) отъ нашествія тайпинговъ, жители какъ говорятъ, ѣли другъ друга и былъ страшный голодь. Вотъ слова, какими оканчивается разсказъ о тайпингахъ каждый изъ здѣшнихъ жителей: Жень-челѣ-жень, Гоу-чи-лѣ-гоу,—по русски слово въ слово: люди ѣли людей, собаки ѣли собакъ. Далеко не все я разсказалъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытали здѣшніе китайцы. А все-таки они пережили эти тяжелыя времена,—и трудятся по прежнему.

Хотя Европа и кричитъ о невѣжествѣ Китая, но надо посмотрѣть какъ они скоро оживаютъ послѣ такихъ бѣдствій, и снова принимаются за дѣло съ орудіями въ рукахъ, не измѣненными въ теченіе цѣлыхъ тысячилѣтій. Что бы было, если бы они не отставали отъ цивилизованнаго міра? По крайней мѣрѣ я могу сказать одно, что каждый день становился умнѣе отъ путешествія въ Китаѣ; стало ли бы это въ цивилизованной Европѣ? *) Надоѣдаютъ Китайцы въ городахъ, но по селеніямъ, отъ земледѣльцевъ, кромѣ вѣжливости, ничего мы не встрѣчали. А что касается «Янь-гуй-цзы» (заморскій чортъ)—въ этомъ виноваты, мнѣ кажется, англійскіе хлысты. Чѣмъ болѣе углубляешься внутрь страны, тѣмъ народъ становится лучше. Теперь я сознаю и понимаю, почему въ Фанъ-ченѣ меня такъ принимали: потому, что близко Хань-коу, гдѣ масса европейцевъ, и хлыстъ цивилизатора часто прогуливается по спинѣ китайца; по этому отъ чего же тамъ, гдѣ встрѣчается европеецъ въ одиночку, не сдѣлать невѣсткѣ на отмѣстку?

Теперь мы съ каждымъ шагомъ подвигаемся ближе къ Россіи, такъ какъ идемъ въ обратный путь. Весь путь нашъ по Китаю будетъ составлять около 10,000 русскихъ верстъ, въ Октябрѣ мы будемъ или лучше сказать рассчитываемъ быть въ Семипалатинскѣ, къ Январю въ Петербургѣ, а къ Пасхѣ въ Иркутскѣ; да много еще воды въ Ангарѣ утечетъ за это время.

*) Отъ нашествія тайпинговъ прошло 13 лѣтъ.

*) Видно что авторъ по Европѣ не путешествовалъ. *ред.*

И. А. — свій.

Не рѣзвою малюткой прежнихъ дней
Ты встаешь въ моемъ воображеніи:
Твой строенъ станъ; огонь твоихъ очей,
Улыбка и слова полны значенья;
Прекрасную зарю смѣнилъ разсвѣтъ,
Исполнилось тебѣ шестнадцать лѣтъ.

* *
*

Счастливая, прекрасная пора!
Ты входишь въ жизнь веселою ногою,
И идеалы чести и добра
И знанія руководятъ тобою;
Твой ясенъ путь, и вѣется предъ тобой
Мечтаній и надеждъ игривый рой!

* *
*

Издалека привѣтъ горячій я
Несу къ тебѣ взволнованной душою,
И грустно мнѣ, что въ этотъ мигъ тебя
Я не могу увидѣть предъ собою,
Благословить и съ радостной слезой
Прижать къ груди дряхлѣющей ругой!

* *
*